

З точки зору першого підходу – молодий спеціаліст повинен після закінчення Вищого Навчального Закладу працевлаштуватись на роботу, за своїм фахом і пропрацювати на цій посаді не менш трьох років. Серед чинників що впливають на молодіжний контингент суспільства в момент виходу на ринок праці, вирішальний вплив мають такі: соціальні та професійні орієнтації молоді (соціально-професійний статус, рівень освіти, сфера діяльності); мотиви вибору професії (самореалізація та прояв здібностей, матеріальна забезпеченість, престиж та кар'єра і т.д.); економічні орієнтації, уявлення про життєвий успіх та способи його досягнення. Усі вони визначають модель поведінки та особливості працевлаштування різних статево – вікових груп молоді. Проблема працевлаштування молоді найгостріше постає перед тими, хто вперше починає трудову діяльність після завершення навчання. Об'єктивним обставинами, які утруднюють нормальну соціалізацію молоді в момент переходу до самостійної трудової діяльності є: відсутність у молоді людини практичного досвіду роботи зі спеціальності; відсутність навичок самостійного працевлаштування й орієнтації на ринку праці; невідповідність одержуваних у навчальних закладах знань потребам реальних робочих місць; слабка професійна підготовка чи її повна відсутність. Ситуація, що склалася на ринку праці України з притаманною їй диспропорцією попиту та пропозиції робочих місць, трансформацією галузевої структури зайнятості перерозподілом зайнятих між офіційним та неофіційним «тіньовим» секторами економіки, достатньою невідповідністю отриманої молоддю освіти та фаху вимогам роботодавців, викликає значну турбованість проблемами працевлаштування. Поведінка на ринку праці випускників ВНЗ є неоднозначною, що призводить до різного типу девіації, поведінка молодих спеціалістів не відповідає загальноприйнятим нормам.

З точки зору другого підходу «реального» для переважної більшості сучасної молоді значальною цінністю «хорошої роботи» є гроші а не зміст. Молоді люди будують свої плани виходячи, в першу чергу, з позиції «гарна (висока) зарплата», а не з позиції «цікава робота». У складі трьох детермінант, які визначають ціннісні орієнтації молоді при виборі професії та трудової діяльності, головними є матеріальні міркування та можливість працевлаштування.

Нині на молодіжному ринку праці склалася парадоксальна ситуація, коли одночасно мають місце дві протилежні тенденції: з одного боку, недостатність робочих місць на загальнонаціональному та регіональних ринках праці, переважання пропозиції молодіжної робочої сили над попитом, з іншого – невідповідність (чи недостатність) пропонованих умінь та навичок молодих спеціалістів вимогам роботодавців. Знецінення матеріальних стимулів праці в офіційному секторі призводять до поширення в молодіжному середовищі таких форм трудової адаптації як нерегламентована зайнятість (зокрема, одержання доходів у тіньовому секторі), вторинна зайнятість, самозайнятість, зовнішня трудова міграція.

Валерій Оболенцев

Національний університет "Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого"

КОЭФФИЦИЕНТ КОНФЛИКТНОСТИ

Если считать общественные отношения средой социальных конфликтов (что очевидно), то сведения о количестве общественных отношений могут сориентировать специалистов в объемах его конфликтного потенциала.

Общее количество потенциальных конфликтов в некотором социуме можно исчислить по формуле

$$КПК = (X-1) \times X,$$

где КПК — количество потенциальных конфликтов, а X — количество членов общества. Соответственно, в группе из двух человек потенциально возможны минимум два конфликта (по одному инициированному каждым из его участников) между тремя — шесть и т.д.

В развитие этой идеи можно предложить коэффициент конфликтности общества, исчисляемый по формуле:

$$ККО = КК / (X-1) \times X,$$

где ККО — это коэффициент конфликтности общества, КК — количество конфликтов в обществе, а X — количество членов общества.

Данный коэффициент несёт специфическую смысловую нагрузку - показать интенсивность проявления конфликтов в среде конфликтного потенциала отдельной социальной группы и общества в целом.

Можно утверждать, что исчисление коэффициента конфликтности применительно к масштабам страны в некотором смысле совпадает с исчислением коэффициента преступной активности, часто

используемом на практике. Как известно, в этом случае устанавливается интенсивность проявления преступлений среди населения по формуле:

$$\text{КПИ} = \text{КП} / \text{КН},$$

где КПИ — коэффициент преступной интенсивности, КП — количество преступлений, КН — количество населения.

Очевидно совпадение идеи исчисления коэффициента преступной интенсивности и коэффициента конфликтности в масштабах страны. Однако, по сущности и аналогии с последним названным коэффициентом представляется более корректным исчисление коэффициента преступной интенсивности не относительно общего количества населения, а количества общественных отношений, охраняемых одним из частных видов конфликтов — преступлений.

Соответственно, формула коэффициента преступной интенсивности как одного из случаев исчисления коэффициента конфликтности должна иметь вид:

$$\text{КПИ} = \text{КП} / (X-1) \times X,$$

где КПИ — это коэффициент преступной интенсивности общества, КП — количество преступлений, а X — количество членов общества (населения страны).

Практическая значимость исчисления коэффициента конфликтности общества и его частного случая — коэффициента преступной интенсивности определяется возможностью, во-первых, в численном эквиваленте описывать проблемность некоторого социума, а во-вторых, сравнивать такие характеристики применительно к сообществам с разным количеством участников.

Дмитрий Б...

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

НАСИЛИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО: ПОПЫТКА ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Насилие как неотъемлемая составляющая общественных отношений требует отдельного теоретического и, в частности, теоретико-социологического осмысления. Трудность теоретического осмысления проблемы насилия кроется в нескольких принципиальных вопросах, в том числе:

1. Спор о природе насилия. Мы исходим из того, что насилие, базируясь на физиологическом и психологическом субстратах, является социально конструируемым (в понимании Бергера и Лукмана) феноменом, получая соответствующий гносеологический статус. Насилие, так или иначе, связано с ограниченностью человеческого тела, т.е. физическая сторона важна и фундаментальна, однако именно социальная составляющая насильственности является приоритетным предметом социологического анализа.

2. «Искушение» детерминизмом и редукцией. Данный вопрос вытекает из предыдущего. Многие исследователи сводили насилие к отдельным факторам. Вебер задает вопрос насилия в своем определении современного государства, по сути сводя его к средству контроля: «...есть организованная по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха монополизации легитимного физического насилия как средства господства...» [1, с. 650].

Редукционизм встречается в (социально-)психологической трактовке насилия: психоаналитической традиции (акцент на врожденных психологических свойствах человека — влечение к смерти; объяснение склонности человека к насилию через конфликт между подсознательным и надсознательным слоями в структуре личности), до довольно схожих теорий фрустрации и депривации (насилие вызывается агрессией из-за неудовлетворенности потребностей).

3. Этическая категоризация. Если насилие не рассматривается в неразрывной связи с каким-то иным социальным явлением, а получает собственный предметный анализ, то вопрос о нем довольно часто сводится к категориям этики и морали. Если в философском дискурсе это весьма оправдано и закономерно, то в научном — это гносеологический тупик.

Взгляд на насилие как инструментальную необходимость поддержания порядка, который наиболее полно был описан еще Т. Гоббсом и Дж. Локком, оправдывает его как меньшее зло, которое необходимо принять во избежание большего зла (войны всех против всех). В данной идеализированной модели насилию снова таки отводится роль инструмента регуляции, оно допустимо и оправдано лишь в той мере, пока оно выполняет свою основную (если не единственную) функцию.

Альтернативу такому взгляду можно найти в работах представителей т.н. теории критики насилия (В.Беньямин, Э.Левинас, Ж. Деррида), которая «... не оправдывает насилие, не пытается его объяснить с точки зрения какой-либо частной, специальной науки, например, психологии или юриспруденции».